

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ТИПЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
В ПОМОГАЮЩЕМ ПОВЕДЕНИИ

А.Н. ПОДДЬЯКОВ

Анализируются помехи и трудности, которые с различными целями создает помогающий субъект в ходе оказания помощи другим. Рассматриваются: 1) противодействия на уровне диадического взаимодействия «помогающий субъект – опекаемый субъект», когда противодействие опекаемому парадоксальным образом выступает средством помощи ему (помощи более высокого уровня); 2) противодействия на уровне триадического взаимодействия, когда помощь одному (опекаемому) субъекту осуществляется путем противодействия другому (например, его сопернику); 3) ложные формы помогающего поведения, в которых оказываемая помощь является маскирующей, «троянской» и служит прикрытием более важной цели – противодействия, нанесения ущерба. Обсуждается проблема существования разных зон развития в условиях разных социальных взаимодействий: помощи и противодействия.

Ключевые слова: помощь, противодействие, альтруизм, ложная помощь, конфликт.

Несмотря на кажущуюся парадоксальность формулировки (противодействие в помогающем поведении), в данной статье мы намерены показать, что в ряде важных ситуаций помогающий субъект действительно ставит помехи другим субъектам и создает им трудности (в том числе непреодолимые), стремясь достичь своих целей.

Прежде всего следует различать преднамеренное и непреднамеренное противодействие при оказании помощи. К последнему относятся, например, своеобразные «медвежьи услуги» доброжелательных и старательных, но не очень компетентных помогающих субъектов, ведущие к непреднамеренным ятрогениям, дидактогениям и т.д. В данной работе мы рассмотрим только преднамеренное противодействие и его следующие типы.

1. Противодействие на уровне диадического взаимодействия «помогающий

субъект – опекаемый субъект», когда противодействие опекаемому парадоксальным образом выступает средством помощи ему – помощи более высокого уровня.

2. Противодействие на уровне триадического взаимодействия, когда помощь одному (опекаемому) субъекту осуществляется путем противодействия другому (например, его сопернику).

3. Ложные формы помогающего поведения, в которых оказываемая помощь является маскирующей, «троянской» и служит прикрытием более важной цели – противодействия, нанесения ущерба.

Во всех случаях субъекты могут быть индивидуальными и групповыми.

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ СУБЪЕКТУ
КАК СРЕДСТВО ПОМОЩИ ЕМУ
В ДИАДИЧЕСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ**

Здесь именно помощь – основная цель субъекта, а противодействие – парадоксальное средство достижения этой цели.

Можно выделить два варианта такого противодействия.

1.1. *Противодействие опасным видам деятельности опекаемого субъекта* — наиболее очевидно и естественно; это противодействие той деятельности опекаемого субъекта, которая может нанести ему ущерб: например, ограничения и запреты на исследовательское поведение и любознательность ребенка в некоторых областях, поскольку они могут быть для него опасны; противодействие вовлечению подростка в опасные, с точки зрения взрослого, виды времяпрепровождения, компании и т.д.

Во всех этих случаях человеку мешают, но из лучших побуждений. Помогающий субъект действительно не хочет, чтобы опекаемый осуществлял определенные виды деятельности, развивал некоторые личностные качества, оцениваемые как негативные, изменялся в некоторых нежелательных или опасных направлениях. И если опекаемые преодолевают данное противодействие, это неудача того, кто его организует, свидетельствующая о провале целей помогающей деятельности.

1.2. *Управляемое противодействие опекаемому как средство его развития* может служить средством тренировки, обучения, развития нужных личностных качеств и т.д. — это более сложный по целям и организации деятельности вариант противодействия, входящего в структуру помощи. Принципиальное отличие от ситуаций предыдущего типа состоит здесь в следующем: *помогающий субъект стремится к тому, чтобы опекаемые в конечном счете успешно преодолели создаваемые им противодействие и трудности* (и должен соответствующим образом их спланировать). Неудача опекаемого субъекта в преодолении этих *конструктивных, учебно-развивающих трудностей* — свидетельство того, что поставленные цели помощи не достигнуты. Метафора, которой может быть описан этот вид помощи, — «тяжело в учении, легко в бою».

Из современных психолого-педагогических подходов, использующих преднамеренное противодействие как одно из средств обучения и развития, можно упомянуть следующие. Л.В. Занков, исходя из того, что трудности и преодоление препятствий способствуют развитию, ввел в свою дидактическую систему принцип обучения на высоком уровне трудности [5]. Б.И. Хасан считает «сопротивление» познаваемого материала необходимым условием возникновения интереса и личностной динамики [20]. В области воспитания А.В. Сидоренков показывает возможности активного использования и инициирования определенных типов противоречий для изменения асоциального и обеспечения просоциального направления развития личности и малой группы [16]. В.С. Юркевич рассматривает создание развивающего дискомфорта как средство обучения и воспитания одаренных детей [23]. Г.А. Балл пишет о педагогической стратегии развивающего закалывания и «значимости организации встреч подопечных с трудностями (не чрезмерными!), в процессе преодоления которых достигается физическая и духовная закалка, формируется уверенность в своих силах» [4; 282].

В редких острых случаях воспитатель или учитель даже может преднамеренно играть роль «провокатора» или «предателя», чтобы на самом деле заставить ученика совершить трудный скачок в обучении и развитии. При этом демонстрируемое учащемуся противодействие является лишь средством, а поддержка — основной целью. В то же время при организации трудности и провокаций есть серьезная опасность «перегнуть палку». В случае некоторых шуточных, но слишком замаскированных провокаций есть риск, что подопечный не поймет их юмористического характера. В случае учебно-развивающей провокации, осуществляемой всерьез, возникает угроза перегрузить и сломать трудностями человека, которому стараются помочь, — т.е.

превратить трудности, замышлявшиеся как конструктивные, в деструктивные.

Основной проблемой организации провокаций в учебных и развивающих целях нередко является этическая. Ведь в некоторых случаях провокации носят поистине иезуитский характер. Их организаторы действуют по принципу «цель оправдывает средства». При этом целей своих они могут так и не достичь. Причина в том, что обучаемый, совершив требуемый скачок в обучении, но узнав затем, как он был организован, может отказаться от дальнейшего обучения, восстать против подобных методов, возненавидеть педагога и отстаиваемые им ценности. Это означает, что основная цель не достигнута, и более того — обучаемый находится от нее значительно дальше, чем до провокации.

Поскольку пороги нравственной чувствительности у разных людей сильно различаются, те методы, которые одни люди считают вполне приемлемыми и даже безобидными, другие люди могут отвергать по этическим соображениям. Поэтому во всех случаях использования противодействия в целях помощи и развития нужны высокое искусство, нравственная зрелость и такт субъекта, помогающего именно таким образом.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ОДНОМУ СУБЪЕКТУ КАК СРЕДСТВО ПОМОЩИ ДРУГОМУ В ТРИАДИЧЕСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

В отличие от диадического взаимодействия, при взаимодействии трех (и более) субъектов создаются возможности для намного более сложно организованных и опосредованных помощи и противодействия. Например, опытный школьный методист может пытаться остановить развитие некоторых нежелательных качеств и умений начинающего учителя, способного и направленного на преподавание, но пока работающего с детьми в рамках слишком прямолинейно понимаемых мер

учебно-воспитательного воздействия. При этом методист стремится помочь и учителю, и детям, которых тот обучает. По большому счету, интересы всех участников здесь совпадают.

Однако в силу ограниченности объема статьи мы остановимся далее на более острых (драматических, трагических) ситуациях, когда между двумя субъектами имеется неустрашимый конфликт интересов и третий субъект ставит целью помощь одному из них при противодействии другому — в пределе вплоть до физического уничтожения последнего.

Здесь мы считаем необходимым обратиться к понятиям альтруизма и альтруистической помощи. В традиционном понимании альтруизма как бескорыстной помощи другому не дифференцированы представления о двух существенно различающихся типах неэгоистических установок и поведения. Один тип предполагает общую гуманистическую установку помогать другим без специальной дифференциации этих людей. Второй тип, который мы обобщенно назвали *альтернативным альтруизмом*, предполагает, что субъект, игнорируя собственные интересы, помогает другому, но особым образом: нанося ущерб его соперникам, ущемляя их интересы. Защита родины, борьба с терроризмом, преступностью, самоотверженная защита другого человека от чужой нефизической и физической агрессии и т.п. — примеры такой деятельности. Здесь тоже работает установка, выражающаяся в готовности приносить жертвы в пользу ближних, однако в число этих жертв включается не только сам субъект, но и другие, отличающиеся от ближних и противостоящие им. Такие ситуации мало подходят под описание традиционно понимаемого альтруизма общей гуманистической направленности (типа сдачи крови, спасения утопающего и т.д.). В целом если эгоизм — «человечность по отношению к себе за счет бесчеловечности по отношению к другому»,

альтруизм — «человечность по отношению к другому за счет бесчеловечности по отношению к себе» [17; 11], то альтер-альтруизм — «человечность по отношению к одним за счет бесчеловечности по отношению к другим» [11].

Альтер-альтруизм включает два разных подтипа в соответствии с фундаментальной оппозицией «свой — чужой».

1. *Помощь «своим» с нанесением ущерба «чужим»*. Прежде всего, это альтруистическая агрессия: «агрессия, выполняющая функцию защиты других» [2]. К ней относится защита детеныша матерью от хищника, самоотверженная защита другого человека от чужой физической агрессии с нанесением ущерба нападающему и т.д.

Один из наиболее ярких примеров альтернативного альтруизма — парохильный альтруизм. В настоящее время в журналах «Science», «Nature», «Psychological Science» активно обсуждается «местнический» альтруизм и его роль в формировании религиозного фанатизма и поведения террористов-смертников: «... люди жертвуют собой во имя того, что они считают благом для “своих” (альтруизм), причем “благая цель” достигается путем уничтожения чужаков (парохильизм)» [9] (см. также [24], [25], [29]).

К альтернативному альтруизму с нанесением ущерба «чужим» относится и так называемое альтруистическое наказание, не обязательно сопровождающееся эмоциональными компонентами агрессии, фанатизма и т.д. Так, в психолого-экономических экспериментах показано, что человек, выступающий лишь в роли наблюдателя игры других участников, может платить свои деньги, чтобы оштрафовать нечестного игрока (а значит, добавим, — нравственно чужого, чуждого), хотя в финансовом и коммуникативном планах штрафующий ничего не выигрывает: он теряет часть денег и знает, что останется неизвестен тем игрокам, которым помог [28].

2. *Вынужденная дифференциация «своих»: помощь одним за счет других*. Чаше

всего альтернативный альтруизм с нанесением ущерба «своим» проявляется как осознанное принесение в жертву интересов части группы вследствие драматической ограниченности ресурсов. Семейные деньги, предназначенные для оплаты образования одного ребенка, родители могут отдать на лечение второго в случае неожиданно возникшей необходимости. Значительно трагичнее ситуации, когда во время голода мать отдает часть пайка одного ребенка другому, повышая его шансы выжить и одновременно снижая шансы ребенка, потеря которого уже выглядит неизбежной. Это трагическое альтернативно-альтруистическое решение: человечность по отношению к одному за счет бесчеловечности по отношению к другому. С традиционно понимаемым альтруизмом оно имеет мало сходства — скорее, оно ему противоположно. Также при военных столкновениях командир может принимать решение о том, чтобы пожертвовать частью подразделения (например, группой, прикрывающей отход) с целью выполнения боевой задачи или спасения другой части подразделения. (На этой ситуации построена одна из моральных дилемм Л. Кольберга, диагностирующих уровень нравственного развития человека.)

Отдельно следует выделить альтернативный альтруизм субъекта, выступающего в роли спасателя и вынужденно выбирающего, кого из нуждающихся в помощи спасать в экстремальной ситуации, отвлекаясь при этом от рисков для собственной жизни. Во многом аналогична (за исключением риска для собственной жизни) роль «третьей стороны», принимающего решение о том, чьи интересы нужно ущемить ради интересов других субъектов в такой ситуации, когда ущерб кому-то из участников объективно неизбежен при любом решении (и при его избегании!), а любое добросовестное решение может состоять лишь в минимизации потерь при «выборе меньшего зла».

При этом ни спасатели, ни судьи:

а) не дифференцируют участников в отношении их права на спасение (предполагается, что все участники ситуации имеют равные права, но права всех участников невозможно реализовать в силу ограниченности ресурсов спасения);

б) не связаны какими-либо личными предпочтениями и симпатиями (в отличие, например, от матери, принимающей решение, кого из детей спасти);

в) не вовлечены (в отличие, например, от командира отряда) в совместную деятельность с теми, относительно кого они принимают решение;

г) не могут облегчить себе трагический выбор присоединением к потерпевшему субъекту или группе, поскольку обязаны продолжать исполнение своих социальных функций по спасению (или принятию решений).

Единственное, что они могут, – выбрать меньшее зло по отношению к невиновным и, вообще говоря, равноправным субъектам. При этом, как подчеркивает А.В. Прокофьев, специально анализирующий эту проблему, сама «формула “выбор меньшего зла” указывает на совершенно специфическую логику принятия решений, которая в рамках морального сознания является спорной, а если спор разрешается в пользу ее допустимости, то трагической» [15; 122]. В качестве примера можно привести ситуации, когда врачам в больницах надо решать, в кого из пациентов вкладывать имеющиеся ограниченные средства, а кого – оставить; считать ли, что органы умирающего с бьющимся сердцем уже могут быть извлечены и использованы для спасения других людей, и т.д. [21]. В целом, как пишет А.В. Прокофьев, ситуации, когда ущерб, причиняемый кому-то, оказывается средством предотвращения ущерба множеству других людей, крайне неоднозначны и предельно сложны для абсолютного большинства этических традиций [15; 127].

Для изучения психологических механизмов, лежащих в основе принятия «третьих» решений о принесении в жертву меньшего числа людей ради спасения большего, М. Хаузер разработал Тест нравственного сознания (другой вариант перевода на русский язык оригинального названия – Тест морального чувства) [33]. Это батарея нравственных дилемм типа: можно ли перевести стрелку, чтобы неуправляемый трамвай, который без перевода стрелки задавит пять человек, убил бы только одного – идущего по другой ветке?¹ В этих заданиях М. Хаузер систематически варьирует условия ситуаций, описываемых в дилеммах, чтобы выяснить, на какие объективные факторы ориентируется человек при принятии соответствующих ситуаций и как дает им субъективную оценку.

При этом Д. Канеман и А. Тверски показали, что принятие решения о спасении одних людей ценой жизни других осложняется не только объективной структурой ситуации и особенностями понимания нравственных императивов разными людьми, но и тем, как сформулирована задача, в каких терминах описана *объективно одна и та же ситуация*. Д. Канеман и А. Тверски разработали экспериментальные задачи для изучения влияния формулировок задачи на принимаемые решения («framing effect») [8]. Одна из таких задач, «Азиатская болезнь», имеет прямое отношение к теме альтер-альтруизма и чисто субъективным факторам выбора того, что считать меньшим злом. Испытуемому предлагается представить себя президентом страны, в которой вспыхнула эпидемия неизвестной болезни. От нее могут умереть 600 человек. Если принять программу борьбы А, удастся спасти 200 человек; если при-

¹ В настоящее время разработана и онлайн-версия русскоязычная версия Теста морального чувства – совместный проект лаборатории когнитивной эволюции при Гарвардском университете (М. Хаузер) и Института психологии РАН (Ю.И. Александров, В.В. Знаков, К.Р. Арутюнова) [18].

нять программу В, с вероятностью $1/3$ все 600 человек будут спасены, а с вероятностью $2/3$ никого не удастся спасти. Результаты показывают, что большинство испытуемых выбирает программу А.

В другой группе испытуемых говорится, что если принять программу С, погибнут 400 человек; если принять программу D, с вероятностью $1/3$ не погибнет никто, а с вероятностью $2/3$ погибнут все 600 человек. В этой группе большинство испытуемых выбирает программу D. Между тем можно видеть, что, с математической точки зрения, программа А абсолютно идентична С, а В идентична D. К разным же выборам того, чьи жизни спасать и ценой чьих жизней, ведут просто формулировки либо в терминах числа спасенных жизней, либо в терминах потерь, заставляющие шарахаться от одного решения к другому. Печально, что такая ситуативная вариативность относится к решению существенных вопросов.

Анализ нравственных дилемм, возникающих при спасении одних людей ценой жизни других в ситуациях реалистических, а также фантастических, описания которых используют лишь в экспериментах на принятие решения (например, «Нужно ли застрелить одного невинного человека, если это единственный способ спасти 20 других невинных людей?», «Прилетевшие марсиане говорят вам, что уничтожат Землю, если вы не будете пытаться маленького ребенка. Должны ли вы его пытаться?»), дают также К. Санстейн [34] и другие. Со своей стороны, заметим, что вроде бы фантастическая ситуация с марсианами имеет реальные прототипы в человеческой истории: в нацистских концлагерях; во время казней, когда Петр I требовал, чтобы головы осужденным рубили непременно их родственники, и отказ сулил неприятности не только самим этим родственникам, но и их семьям, и т.д.

Альтернативный альтруизм имеет прямое отношение и к повседневной жизни,

связанной с экономикой и социальной политикой распределения ограниченных общественных благ, оказания преференций тем или иным группам за счет ущемления интересов других. Здесь можно анализировать множество примеров, но мы остановимся лишь на одном и упомянем актуальную тему увеличения средней продолжительности жизни населения. Как показано в некоторых экономических исследованиях, разные группы населения неоднородны в отношении того, сколько средств необходимо для продления их жизни: в одной группе определенный объем вложенных средств приводит к большему росту средней продолжительности жизни, чем в другой, где поднимать продолжительность трудно. Чиновник, опирающийся на формальный критерий среднего удлинения жизни по всей популяции, имеет большой соблазн вкладывать в поддержку второй группы значительно меньше средств (если вкладывать вообще, можно пообещать — другим и самому себе — заняться ею позднее). Прямой корысти, эгоизма здесь нет в случае искреннего убеждения, что это, по совокупности, оптимальное решение. Не совсем ясно, правда, как должны себя чувствовать те, кому отказали в мерах по продлению жизни.

В целом вопросы, возникающие при реализации альтер-альтруистических решений, закономерно ведут к одному экзистенциальному вопросу о цене счастья, поставленному Ф.М. Достоевским: можно ли построить счастье мира на слезе одного ребенка? Отвечая на этот вопрос отрицательно, приходится, тем не менее, признать, что альтер-альтруистические решения неизбежны в ряде областей: хотя счастье мира на основе этих решений не построишь, но людей спасти таким образом приходится. Альтер-альтруистическая деятельность весьма сложна по структуре и исполнению, поскольку требует одновременного учета целей, интересов, стратегий многих людей в позитивном и нега-

тивном аспектах (в позитивном — помочь, в негативном — помешать), а также высокой компетентности во многих предметных областях. Для минимизации ущерба — и физического, и нравственного — здесь недостаточно изощренного ума, нужна мудрость. По Ф. Искандеру, «мудрость обязательно сопрягает разрешение данной жизненной задачи с другими жизненными задачами, находящимися с этой задачей в обозримой связи; умное решение может быть и безнравственным; мудрое — не может быть безнравственным; мудрость — это ум, настоящий на совести» [6].

ЛОЖНЫЕ ФОРМЫ ПОМОГАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ («ЛЖЕПОМОЩЬ»)

Здесь основной целью субъекта является противодействие, а демонстрируемая помощь — это своеобразное маскировочное, «тройское» средство противодействия (понятие образовано от метафоры тройского коня). Речь идет о вероломстве помогающего субъекта по отношению к тому, кому он должен помогать. Один из наиболее ярких примеров такого вероломства — это поведение тех зрителей маяков в средние века и даже в новое время, которые специально гасили маячные огни или подавали ложные сигналы, дезориентируя суда во время бури, чтобы «пожиться на жертвах морских катастроф» [1; 102]. С нашей точки зрения, этот мрачный пример может служить обобщенной метафорой ложных форм помощи.

1. *Лжепомощь в диадическом взаимодействии.*

Обратимся к современности. Как пишет П. Джонсон, «предполагается, что врачи, няни, клинические психологи, адвокаты, финансовые консультанты и другие специалисты, в чьи обязанности входит помощь другим, используют свои знания и умения строго в интересах учащих, пациентов, клиентов, отдавших себя в их руки» [30]. Однако это предполо-

жение, к сожалению, не всегда оправдано: тот или иной представитель помогающей профессии может эгоистически действовать в собственных интересах, ущемляя интересы клиента. Например, агент (врач, преподаватель, консультант и т.д.) может преднамеренно дезориентировать обратившихся за помощью и давать им такие рекомендации, принимать такие решения, которые выгодны, полезны ему, но не выгодны им. Это явление, анализируемое в экономической теории отношений «принципал — агент», получило название проблемы агента (*agency problem*), а также моральной угрозы, или морального риска (*moral hazard*) [22], [27].

Г. Вашингтон анализирует одну из наиболее скандальных акций такого рода в книге «Медицинский апартеид: мрачная история медицинских экспериментов на черных американцах от времен колониализма до современности». В ней приведена история того, как афроамериканцев, больных сифилисом и обратившихся за лечением, не лечили, а имитировали лечение, давая ложные инструкции, чтобы иметь возможность исследовать течение болезни, развивающейся без медицинского вмешательства [36].

Дж. Род экспериментально изучал склонность людей давать рекомендации, более выгодные самому консультанту, чем клиенту. Участник эксперимента, выступающий в роли финансового советника, видел перед собой таблицу, показывающую, сколько денег получит консультируемый им человек, если выберет одну из шести опций (от А до F), и сколько денег получит сам консультант, если консультируемый им человек выберет ту или иную опцию (консультируемый об этой таблице не знал). Так, «консультант» видел, что если он назовет опцию Е, то консультируемый, следуя этой рекомендации, получит максимальную выплату (3 €), а сам консультант — 2 €. А если консультант назовет опцию С, то консультируемый, следуя этой рекомен-

дации, получит меньшую выплату — 2 €, зато консультант — максимальную выплату в 3 €. Ознакомившись со всеми шестью вариантами, консультант должен был послать консультируемому (другому участнику) сообщение «Опция... позволит Вам получить больше денег, чем другие опции».

Оказалось, что в условиях этого конфликта интересов лишь 28% консультантов поставили финансовые интересы клиента выше собственных, рекомендовав другому участнику опции более выгодные для него, чем для себя, а подавляющее большинство (72%) солгали консультируемому. Эти консультанты давали «троянские» советы, рекомендуя под видом самой выгодной для клиента те опции, которые были на самом деле более выгодны самому консультанту и менее выгодны клиенту [32]. Правда, обманываемые при этом ничего не теряли, а лишь получали не столь много денег, сколько могли бы при честном поведении консультанта (например, 2 € вместо 3 €). Вероятно, из-за факта отсутствия ущерба для обманываемых и лишь некоторого снижения их прибыли данный обман в глазах консультантов становился более приемлемым.

В целом в теории контрактов показано, что невозможны никакие надежные инструментальные решения проблемы нечестного агента, наносящего тот или иной ущерб под видом профессиональной помощи. Агент, более знающий и компетентный, чем клиент (иначе клиент к нему не обратился бы), всегда имеет объективную возможность использовать эту асимметрию компетентности (знаний, информированности) в ущерб клиенту. В лучшем случае, пытаясь обезопасить себя от такого поведения, клиент может начать наращивать меры доступного ему контроля — тогда агент, опасаясь возникших рисков, на время прекращает свои предосудительные действия. Но когда успокоившийся клиент решает уменьшить контроль и сократить связанные с ним издержки, агент,

если он склонен к такому поведению, снова принимается за свое. Заключаемый же юридический контракт всегда неполон, и предусмотреть и прописать в нем все возможности неэтичного поведения как агента, так и клиента нельзя [22].

Моральная угроза сходного типа встречается и в неформальных ситуациях. А. Маршалл описывает поведение сотрудника фирмы, в дружеской форме дающего советы своему молодому коллеге по переходу на другую, более высоко оплачиваемую работу, но на самом деле стремящегося к тому, чтобы тот — в результате следования этим советам — был уволен и не нашел после этого вообще никакой работы [10]. Я. Вальсинер анализирует поведение «помощниц» — «советчиц для своей выгоды» в группе соперничающих девушек [35; 288].

Советы «для своей пользы», стратегическое консультирование в интересах не клиента, а самого консультанта близко смыкаются с другим видом ложной помощи — «троянским» обучением, а именно манипулятивным обучением других субъектов тому, что для них невыгодно, вредно, опасно, но выгодно организатору обучения. Эта тема мы подробно освещали в ряде публикаций ([14], [31]), здесь же приведем лишь один пример с комментарием.

Разумеется, «троянское» обучение чаще осуществляется по отношению к конкурентам в ситуациях жесткого соперничества. К сожалению, однако, дезинформация встречается и в тех областях, где она кажется немыслимой. М. Фомин, презентирующий себя как «дипломированный врач и духовный акушер», в «Заключении» к своей книге о подготовке к родам, родовспоможении и уходе за младенцем, адресованной массовому читателю и опубликованной известным издательством, пишет: «Есть в книге и намеренно внесенная дезинформация. Это пока единственный надежный способ защиты авторских прав <...> заинтересовавшихся серьезно идеей духовного акушерства, милости просим на семинары

<...> только на семинарах вы сможете получить самую последнюю информацию от первоисточника» [19; 158–159].

Итак, к концу книги беременная читательница узнает: из усвоенного ею в процессе чтения (а может быть, уже и опробованного) материала некая часть (причем неизвестно, какая именно) является преднамеренной дезинформацией, поскольку автор метода бережет свои авторские права, стремится помешать их беспринципным нарушителям и, наконец, хочет видеть больше слушателей на своих семинарах... Комментарии излишни, ограничусь здесь лишь одним: преднамеренная дезинформация в книге по данной жизненно важной тематике, подчиненная соображениям охраны авторских прав и привлечения слушателей на семинары автора, по большому счету заслуживает отдельного рассмотрения и оценки – и не в рамках научной статьи, а как минимум комиссии по этике.

2. Помощь и лжепомощь в триадическом взаимодействии.

Лжепомощь (как и ложь вообще) считается этически оправданной и рассматривается как одна из допустимых военных хитростей, если ее оказали «чужим» и использовали как средство истинной помощи «своим», союзникам в ситуации острого (силового, вооруженного) противоборства. (Дезориентация вражеского военного корабля маячными огнями лишь приветствуется.) Приведем пример использования ложной помощи одной стороне с целью реальной помощи другой стороне в ходе военных действий.

В конце второй мировой войны конный казачий корпус СС под командованием А. Шкуро (бывшего белогвардейского генерала), воевавший на стороне гитлеровской Германии, был окружен английскими войсками, но отказался разоружиться. Тогда англичане пошли на хитрость. Они сообщили Шкуро о якобы разгорающемся военном конфликте между советскими

и английскими войсками (английская и советская сторона по взаимной договоренности имитировали артиллерийскую перестрелку), после чего англичане предложили Шкуро почетный выход – участие в войне против СССР на стороне Англии. Единственное условие – его корпус должен переодеться в английскую форму, пересесть на английские грузовики и, доехав до назначенного пункта, сменить вооружение с немецкого на английское. Когда это было сделано, в назначенном пункте, согласованном с советской стороной, английские войска передали казачий корпус СС советским войскам [7].

В этом примере описана экстремальная ситуация, но и в ситуациях более обыденных истинная помощь одним субъектам и лжепомощь другим могут объединяться в общий комплекс.

В целом, перечисляя и классифицируя различные ложные и истинные формы помогающего поведения и отношения между ними, заметим, что составление их полного фиксированного списка вряд ли возможно. Часть из них, как показывают приведенные примеры, основана на использовании социального творчества и, как любая область творчества, не может быть полностью спрогнозирована.

ЭФФЕКТЫ ПОМОЩИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Как помощь и противодействие влияют на развитие субъекта, которому они оказаны? Очевидно, что в значимом числе случаев это влияние в основном соответствует целям организаторов воздействий, – иначе данные воздействия исчезли бы из социальной практики как неадекватные. Однако в ряде случаев эффекты могут оказаться незапланированными и противоположными желаемым. Вследствие ошибок помогающего субъекта, стечения обстоятельств и т.д. искренняя помощь может приводить к непреднамеренным эффектам противодействия (по типу медвежьей услуги),

а ложные формы помогающего поведения тоже могут — вопреки замыслу их субъектов — приводить к эффектам, полезным для того, кому лжепомощь оказана.

В целом можно говорить о разных зонах и пространствах развития в условиях разных социальных взаимодействий — помощи и противодействия [12].

Здесь следует обратиться к понятию «зона ближайшего развития», введенному Л.С. Выготским. Оно внесло фундаментальный вклад в понимание роли помощи и, шире, социальных взаимодействий, в обучении и развитии. Традиционно зона ближайшего развития понимается как то, что человек еще не может сделать самостоятельно, но уже может сделать при помощи более компетентного субъекта.

Для характеристики же отрицательно-го влияния противодействия на развитие А.Г. Асмолов вводит понятие «зона подавляющего и задерживающего развития» [3; 663–664]. Аналогично Э. Диас и Дж. Эрнандес используют понятие «зона негативного развития». Эти зоны создаются предвзятым отношением преподавателей школ США к учащимся — представителям национальных меньшинств [26].

Обобщая, зоны подавленного развития² в условиях социального противодействия можно определить как то, чему человек мог бы научиться и что мог бы развить в себе, но чего не получилось из-за оказываемого ему противодействия.

Итак, есть понятия, отражающие: а) положительное влияние помощи на опекаемого субъекта и б) отрицательное влияние противодействия на того, кому противодействуют. С нашей точки зрения, их необходимо дополнить двумя другими, отражающими парадоксальное: в) положительное влияние социального противодействия на того, кому противодействуют,

г) отрицательное влияние помощи на того, кому помогают. А именно можно определить *зону развития в условиях социального противодействия* как то, чему человек не мог научиться и чего не мог бы развить в себе сам, но чему научился и что развил в ходе и вследствие оказываемого ему противодействия. Ведь столкновение с преднамеренно созданными трудностями — это стресс особого рода. Он может повергать в шок, парализовать волю и деятельность, но может играть и сильнейшую мобилизующую роль [13].

Зону подавленного развития в условиях помощи можно определить как то, чему субъект мог бы научиться и что развить в себе, но чему не научился и что не развил вследствие особенностей оказываемой ему помощи.

«Развивающий (эпигенетический) ландшафт» социальных взаимодействий в значительной мере формируется преднамеренным и непреднамеренным созданием зон (пространств, горизонтов) помощи и противодействия, ведущих к различным эффектам развития.

1. Аксентьев С. Жизнь на маяках // Наука и жизнь. 2009. № 4. С. 98–104.
2. Агрессия альтруистическая // Психологическая энциклопедия. [Электронный ресурс] URL: http://mirslouvrei.com/content_psy/agressija-altruisticheskaja-20973.html. Дата обращения: 21.03.2010.
3. Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.: Ин-т практической психологии, 1996.
4. Балл Г.А. Психология в раиоигуманистической перспективе. К.: Основа, 2006.
5. Занков Л.В. Обучение и развитие. М.: Педагогика, 1975.
6. Искандер Ф. Стоянка человека. URL: <http://dobro-i-zlo.narod.ru/stati/iskander.htm>. Дата обращения: 21.03.2010.
7. Казанцев А. Лды возвращаются. М.: Молодая гвардия, 1981. Электронная версия: URL: http://www.erlib.com/Александр_Казанцев/Пунктир_воспоминаний/3. Дата обращения: 21.03.2010.
8. Канеман Д., Тверски А. Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психол. журн. 2003. Т. 24. № 4. С. 31–42.

² Термин «зоны подавленного развития» представляется в контексте нашей статьи более подходящим, чем «зоны подавляющего развития».

9. *Марков А.* Может ли эволюционная психология объяснить феномен террористов-самоубийц? // Элементы. 27.01.09. URL: <http://elementy.ru/news/430978>. Дата обращения: 21.03.2010.
10. *Маршалл А.* В сердце моем / Пер. с англ. О. Кругерской, В. Рубина. М.: Худож. лит., 1969. Электронная версия: URL: <http://lib.ru/INPROZ/MARSHALL/heart.txt>. Дата обращения: 21.03.2010.
11. *Поддьяков А.Н.* Альтер-альтруизм // Психология. Журнал ВШЭ. 2007. № 3. Электронная версия: URL: http://creativity.ipras.ru/texts/Poddyakov_4-03pp98-107.pdf. Дата обращения: 21.03.2010.
12. *Поддьяков А.Н.* Зоны развития, зоны противодействия и пространство ответственности // Культурно-историч. психол. 2006. № 2. С. 68–79.
13. *Поддьяков А.Н.* Преднамеренное создание трудностей и совладание с ними // Психологические исследования. Электронный журнал. 2008. № 1. URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2008n1-1/85-poddiakov1.html>. Дата обращения: 21.03.2010.
14. *Поддьяков А.Н.* Противодействие обучению конкурента и «тройанское» обучение в экономическом поведении // Психология. Журнал ВШЭ. 2004. № 3. С. 65–82.
15. *Прокофьев А.В.* Выбор в пользу меньшего зла и проблема границ морально допустимого // Этическая мысль. Вып. 9. М.: ИФРАН, 2009. С. 122–145.
16. *Сидоренков А.В.* Направления психолого-педагогического воздействия на учебные группы // Вопр. психол. 1998. № 4. С. 21–29.
17. *Суворов А.В.* Человечность как фактор саморазвития личности: Автореф. докт. дис. М.: ПИРАО, 1996.
18. Тест морального чувства. URL: <http://www.serve.com/~harvardpcnl/MST/Russian>. Дата обращения: 21.03.2010.
19. *Фомин М.* Домашние роды – здоровый малыш. СПб.: Питер, 2006.
20. *Хасан Б.И.* Психотехника конфликта и конфликтная компетентность. Красноярск: РИЦ Красноярского ун-та, 1996.
21. *Хаузер М.* Мораль и разум. Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла / Пер. с англ. Т.М. Марютиной. М.: Дрофа, 2008.
22. *Юдкевич М.М., Подколзина Е.А., Рябинина А.Ю.* Основы теории контрактов: Модели и задачи. М.: ГУ ВШЭ, 2002.
23. *Юркевич В.С.* Развивающий дискомфорт в народной и профессиональной психопедагогике. 2003. URL: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/40071>. Дата обращения: 21.03.2010.
24. *Bernhard H., Fischbacher U., Fehr E.* Parochial altruism in humans // Nature. 2006. V. 442 (24). P. 912–915.
25. *Choi J.-K., Bowles S.* The coevolution of parochial altruism and war // Science. 2007. V. 318. P. 636–640.
26. *Diaz E., Hernandez J.* Zones of negative development: Analysis of classroom activities and the academic performance of bilingual, Mexican American students in the United States // Abstracts of the 4th Congress of the ISCRAT. Denmark, Aarhus, June 7–11, 1998. P. 399–400.
27. *Eisenhardt K.M.* Agency theory: An assessment and review // Academy of Management Review. 1989. N 14. P. 54–74.
28. *Fehr E., Gächter S.* Altruistic punishment in humans // Nature. 2002. N 415. P. 137–140.
29. *Ginges J., Hansen I., Norenzayan A.* Religion and support for suicide attacks // Psychol. Sci. 2009. V. 20 (2). P. 224–230. URL: <http://idisk.mac.com/jeremyginges1-Public/suicideattacks.pdf>. [Date of access: 21 March 2009].
30. *Johnson P.M.* Agency problem // A glossary of political economy terms. URL: http://www.auburn.edu/~johnspm/gloss/agency_problem. [Date of access: 21 March 2009].
31. *Poddiakov A.* «Trojan horse» teaching in economic behavior // Social Science Research Network. 2004. URL: <http://ssrn.com/abstract=627432>. [Date of access: 21 March 2009].
32. *Rode J.* Truth and trust in communication: Experiments on the effect of a competitive context // Games and Economic Behav. 2010. V. 68 (1). P. 325–338.
33. The Moral Sense Test. URL: <http://moral.wjh.harvard.edu/index.html>. [Date of access: 21 March 2009].
34. *Sunstein C.R.* Moral heuristics // Social science research network. 2003. URL: <http://ssrn.com/abstract=387941>. [Date of access: 21 March 2009].
35. *Valsiner J.* Culture and human development. L.: Sage, 2000.
36. *Washington H.A.* Medical apartheid: The dark history of medical experimentation on black Americans from colonial times to the present. N.Y.: Doubleday, 2007.